

Ценность Великой Победы: эмоциональная оптика¹

Денис Артамонов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского (Саратов)

E-mail: artamonovds@mail.ru

Регина Пеннер

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский
университет) (Челябинск)

E-mail: penner.r.v@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли эмоций в формировании исторической памяти и аксиологических ориентиров, связанных с Победой в Великой Отечественной войне, в условиях эпохи постправды. Авторы анализируют, как эмоциональные нарративы становятся инструментом конструирования коллективной идентичности и противостоят ревизии исторических фактов. В контексте кризиса глобальных проектов будущего прошлое, а особенно исторические события 1941–1945 годов, превращаются в ключевой элемент самоопределения, объединяющий российское общество через сакрализацию подвига и жертвенности. Основное внимание уделяется конфликту между официальными и альтернативными интерпретациями истории, проявляющемуся в «мемориальных войнах». Примеры включают споры о роли СССР в разгроме нацизма, попытки уравнивания СССР и Третьего рейха, а также резолюции европейских парламентских институтов, пересматривающих причины Второй мировой войны. Авторы подчеркивают, что эти конфликты отражают не столкновение фактов, а борьбу ценностей, укорененных в эмоциях — гордости, скорби. В статье через призму эмоциональной аксиологии и эпистемологии раскрывается роль ритуалов (парады, Бессмертный полк), медиа и искусства в поддержании аффективной связи с прошлым. Эти практики, усиливаемые цифровыми технологиями, формируют «эмоциональную достоверность», где переживание преобладает над рациональной оценкой. Философская база работы опирается на идеи М. Шелера, П. Нора и Ж. Делёза, демонстрируя, как эмоции конструируют ценностные реальности и становятся медиаторами между прошлым и настоящим. В условиях постправды Победа интерпретируется как «живая память», противостоящая эрозии исторической истины. Авторы утверждают, что эмоциональная оптика позволяет преодолеть бинарность рационального и чувственного, раскрывая динамику памяти как гибридного процесса, где взаимодействуют официальные нарративы, личные истории и коллективные мифы. Таким образом, Великая Победа остается не только историческим событием, но и этическим ориентиром, объединяющим общество в эпоху информационной нестабильности.

Ключевые слова: эмоциональная аксиология, эмоции, постправда, Великая Отечественная война, историческая память, коллективная идентичность, мемориальные войны, медиапространство.

Для цитирования: Артамонов Д., Пеннер Р. (2025). Ценность Великой Победы: эмоциональная оптика // Patria. Т. 2. № 2. С. 10–25.

doi: 10.17323/patria.2025.26788

The Value of the Great Victory: Emotional Optics

Denis Artamonov

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky (Saratov)

E-mail: artamonovds@mail.ru

Regina Penner

South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk)

E-mail: penner.r.v@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the role of emotions in the formation of historical memory and axiological guidelines related to Victory in the Great Patriotic War in the post-truth era. The authors analyze how emotional narratives become a tool for constructing collective identity and resist the revision of historical facts. In the context of the crisis of global projects of the future, the past, and especially the historical events of 1941–1945, are turning into a key element of self-determination that unites Russian society through the sacralization of heroism and sacrifice. The main focus is on the conflict between official and alternative interpretations of history, manifested in the “memorial wars”. Examples include disputes about the role of the USSR in defeating Nazism, attempts to equalize the USSR and the Third Reich, as well as resolutions of European parliamentary institutions reviewing the causes of World War II. The authors emphasize that these conflicts do not reflect a clash of facts, but a struggle of values rooted in emotions — pride, sorrow. Through the prism of emotional axiology and epistemology, the article reveals the role of rituals (parades, the Immortal Regiment), media and art in maintaining an affective connection with the past. These practices, reinforced by digital technologies, form an “emotional credibility” where experience prevails over rational assessment. The philosophical basis of the work is based on the ideas of M. Scheler, P. Nora and G. Deleuze, demonstrating how emotions construct value realities and become mediators between the past and the present. In the context of post-truth, Victory is interpreted as a “living memory” that resists the erosion of historical truth. The authors argue that emotional optics allows us to overcome the binary of rational and sensual, revealing the dynamics of memory as a hybrid process where official narratives, personal stories and collective myths interact. Thus, the Great Victory remains not only a historical event, but also an ethical landmark that unites society in an era of information instability.

Keywords: emotional axiology, emotions, post-truth, the Great Patriotic War, historical memory, collective identity, memorial wars, media space.

For citation: Artamonov D., Penner R. (2025) “The Value of the Great Victory: Emotional Optics”, *Patria*, vol. 2, no. 2, pp. 10–25.

doi: 10.17323/patria.2025.26788

Введение

В современном мире прошлое стало обладать абсолютной ценностью. Имея важное значение в любую эпоху, в цифровом обществе оно стало определять само бытие человека. Самоощущение, идентичность, устремления человека цифровой эпохи лежат в большей степени в прошлом, а не в будущем. Во многом это связано с кризисом проектов будущего, который переживает человечество. В наше время отсутствуют глобальные проекты, способные объединять большие группы людей даже на уровне стран, не говоря о планетарном масштабе. Строительство коммунизма

или хотя бы справедливого социального общества больше не вдохновляет людей, демократия как политический режим или правовое государство уже не представляет идеала, к которому нужно стремиться, а технологическое развитие достигло такого уровня, что человек уже может ощутить себя в фантастическом будущем. Стремление к освоению Вселенной, путешествиям к другим планетам еще не овладело человечеством полностью. Мы понимаем важность космоса для нашей жизни, но хотим жить здесь и сейчас, а не планировать отправиться в далекое космическое странствие с непредсказуемым исходом; периодические же полеты на орбиту Земли, Луну, запуски спутников и орбитальных станций стали рутинной повседневностью. Будущее перестало обладать предсказуемостью и привлекательностью, к тому же на уровне массовой культуры проводится идея, что единственное доступное нам грядущее — это апокалипсис. Самое определенное будущее человечества, если верить современному кинематографу, компьютерным играм и художественным произведениям, представляет собой постапокалиптическое общество, пережившее планетарную катастрофу.

Другое дело — прошлое: оно определено, предсказуемо и пластично в том смысле, что мы знаем о нем определенные факты, оно не изменится, но если нас что-то не устраивает в его трактовках, это всегда можно изменить, подстроив под свои личные убеждения и мировоззренческие позиции. Прошлое прочно вписано в ситуацию постправды, когда бесконечно множащееся количество оценок ушедших событий дают человеку укорененность в своей собственной позиции. Отстаивание этих позиций является насущной задачей современного индивида, так как они определяют его идентичность и дают смыслы жизни. Они настолько важны для него, что он готов отстаивать их с оружием в руках на полях сражений или как минимум в интернет-баталиях в социальных сетях. Многообразие исторических позиций, порождающих представления о прошлом локальных сетевых сообществ, приводит к мемориальным войнам, борьбе за собственную правду в истории, когда при помощи манипулятивных инструментов люди пытаются распространить влияние своей картины мира как можно шире.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов стоит в центре мемориальных войн, вызывая наиболее острые эмоциональные реакции на случаи искажения исторической правды, особенно в России. Выступления премьер-министра Украины Арсения Яценюка и министра иностранных дел Польши Гжегожа Схетыны в 2015 году, которые были направлены на дезавуацию роли Советского Союза в победе над фашизмом; попытка защиты диссертации на соискание степени доктора исторических наук, посвященной генералу Власову, предпринятая К. М. Александровым в 2016 году; высказывание признанного в РФ иностранным агентом Д. Быкова о том же генерале, а также о Великой Отечественной войне как «второй гражданской» в 2019 году; резолюция Европейского парламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» 2019 года, в которой вина за развязывание Второй мировой войны возлагается не только на нацистскую Германию, но и на коммунистический

СССР; перманентный снос памятников советским воинам-освободителям в странах Европейского союза — все это возбуждало общественные дискуссии, которые проходили на высоком эмоциональном подъеме как в медиа, так и в живой институциональной и личной коммуникации.

С другой стороны, празднование Дня Победы в России и чествование ветеранов Великой Отечественной войны приобретает характер всенародного торжества, не просто являясь частью проводимой государством политики памяти, а способом конструирования идентичности для граждан. В поисках идентификации себя и своего сообщества набирает популярность стратегия «мы — потомки героев-победителей Великой Отечественной войны», которая превалирует над другими стратегиями самоидентификации, особенно в ситуации отсутствия внятных проектов будущего. Эпохальный успех акции «Бессмертный полк», распространившийся за пределы нашей страны и объединивший людей во всем мире, — пример положительного восприятия данного способа конструирования идентичности. Участие в шествиях Бессмертного полка происходило в атмосфере праздника и на эмоциональном подъеме, и даже переход акции в онлайн-формат в годы распространения вируса COVID-19 и террористической угрозы не убавил количества участников, а только увеличил. «Бессмертный полк», став народной акцией, обеспечил беспрецедентную эмоциональную вовлеченность в празднование Дня Победы, которой не может достигнуть сегодня ни один праздник в Российской Федерации.

Эмоциональная оптика ценности Великой Победы

В классической философии от Платона до Иммануила Канта ценности рассматривались как универсальные и неизменные категории, существующие вне человеческого опыта. Однако в условиях постмодерна ценности становятся фрагментарными, множественными и контекстуально обусловленными. Одним из первых, кто предположил эмоциональную основу ценностей, был Макс Шелер. В своей работе «Формализм в этике и материальная этика ценностей» (1913) он утверждал, что ценности постигаются не через рациональный анализ, а через эмоциональные интенции. Шелер считал, что чувство благоговения перед подвигом солдат или гнев из-за исторической несправедливости есть акты, раскрывающие онтологический статус ценностей (например, героизм, справедливость) (Шелер, 1994). Эмоции играют ключевую роль в формировании, восприятии и интерпретации ценностей. Они не только сопровождают наши реакции на окружающий мир, но и формируют основу этических и аксиологических установок; см. работы по контемпоральной этике и аксиологии, напр.: (Youpa, 2019; Yakovleva, Kosenko, 2021; Velázquez, 2023).

Сара Ахмед в книге о культурной политике эмоций анализирует, как эмоции закрепляют коллективные ценности через повторяющиеся практики. Например, ритуалы памяти (минуты молчания, парады) не просто воспроизводят знание о прошлом, но «прививают» эмоции, формирующие лояльность к определенным ценностям (патриотизм, жертвенность) (Ahmed, 2014). Сквозь призму ритуалов российские государственные це-

ремонии 9 мая актуализируют эмоции единства и гордости, превращая их в социальную норму, что влияет на восприятие истории как «сакрального» нарратива. В своей книге о перевороте в мышлении и разумности эмоций Марта Нуссбаум доказывает также, что эмоции представляют собой форму когнитивной оценки, связывающей личное и общественное. Стыд за преступления прошлого или сострадание к жертвам войны не иррациональные реакции, а акты этического суждения (Nussbaum, 2001). Дискуссии о «цене Победы» и массовых потерях требуют эмоциональной рефлексии для оценки моральных дилемм, что усложняет официальные нарративы.

Французский исследователь Пьер Нора в своем проекте о «местах памяти» (1984) показал, как мемориалы, памятники, архивы, архитектурные сооружения становятся эмоциональными узлами, соединяющими индивидуальные переживания с национальной идентичностью (Нора, 1999). Эмоции в символических местах памяти становятся инструментом трансляции ценностей между поколениями. Места памяти вызывают трепет и благодарность, материализуя ценность героизма, но вместе с тем они могут подавлять альтернативные трактовки войны.

Огромная роль эмоций в формировании ценностей требует развития нового направления исследований, которое можно обозначить как эмоциональная аксиология. Это название подчеркивает, что эмоции не просто сопровождают оценочные суждения, но конституируют саму возможность ценностного отношения к миру. С точки зрения эмоциональной аксиологии можно утверждать, что эмоции есть не просто субъективные реакции на события, но активные агенты конструирования ценностей. Эмоциональная привязанность к памятным датам, ритуалам и символам формирует стабильные ценностные ориентиры, которые приобретают силу социального факта (Engelsen, 2011). К примеру, чувство гордости за подвиг предков или скорбь по жертвам войны превращаются в коллективные аффекты, легитимирующие государственные и общественные нарративы. Различные группы и сообщества могут придавать памятным датам отличное друг от друга символическое значение, наделяя его собственными аффективными оттенками. Для одних Победа в Великой Отечественной войне становится символом героизма и единства, для других — напоминанием о трагедии и утрате. Именно в этой множественности эмоциональных интерпретаций и раскрывается аксиологическая сложность события.

В связи с этим можно определить эмоциональную аксиологию как направление, изучающее роль эмоций в формировании, определении, оценке и иерархизации ценностей. Ценности не представляют собой чего-то статичного, а находятся в перманентной изменчивости. Каждое ежегодное празднование Дня Победы становится не репродукцией прошлого, а его вариацией, в которой обновляются и переосмысливаются ценности. Это особенно заметно в медиапространстве, где документальные фильмы, художественные произведения и социальные сети каждый раз создают новую аффективную рамку восприятия истории.

В контексте анализа ценности Великой Победы обращение к эмоциональной оптике позволяет выявить, как коллективные чувства становятся механизмом конструирования исторической памяти. Эта перспектива требует пересмотра классических философских подходов, где эмоции нередко рассматривались как источник искажений или субъективности. Однако в философии постмодерна эмоции реабилитируются, превращаясь в продуктивную силу знания. Жиль Делёз и Феликс Гваттари в «Тысяче плато» подчеркивали, что аффекты есть потоки интенсивностей, разрывающие привычные структуры мышления (Делёз, Гваттари, 2010: 78). Эмоции не просто «выражают» реальность, но создают ее заново, предлагая множественные траектории интерпретации.

Поэтому эмоции в контексте Великой Победы могут быть осмыслены как акты производства ценностной реальности. Они не закреплены в линейном историческом времени, но существуют в постоянно обновляющемся потоке воспоминаний, ритуалов и символов. Такую герменевтическую оптику использует Кристоф Барейтер при описании «возможностей объектов исторического наследия обеспечивать, побуждать и ограничивать определенные эмоциональные переживания их посетителей» (Bareither, 2021). Этот подход позволяет преодолеть бинарную оппозицию между рациональностью и чувственностью, обнаруживая в эмоциях подлинный инструмент познания и формирования аксиологической оценки.

В данном случае возникает соединение эмоциональной аксиологии и эмоциональной эпистемологии, основанной на ритуализации исторической памяти. Постоянное повторение определенных ритуалов воспроизводства и почитания прошлого создает не идентичность, а различие, что отмечено еще Делёзом (Deleuze, 2003). Но если аксиология отвечает на вопрос о том, что считается ценным, то эпистемология занимается вопросом о том, как мы познаём эти ценности в их постоянном изменении. В классической эпистемологии эмоции нередко воспринимались как препятствие для объективного познания, однако эмоциональная эпистемология предлагает иную оптику, рассматривая чувства как полноправный источник знания (Deonna, Teroni, 2025). Исследователь О. Аронсон отмечал, что Делёз и Гваттари в своих работах подчеркивали природу знания как процесса становления и не завершенного состояния. Эмоции/аффекты в данном случае функционируют как движущая сила этого становления, создавая новые связи и смыслы (Аронсон, 2015). К примеру, чувство скорби по погибшим трансформируется в этическое знание о ценности мира, а гордость за подвиг предков — в политическое знание о значении суверенитета и национальной идентичности.

Эта идея обретает особую значимость в контексте Великой Победы. Историческое знание о войне формируется не только через архивные документы или научные исследования, но и через эмоциональные свидетельства, рассказы ветеранов, письма с фронта, произведения искусства. Эти медиумы передают аффективное знание, которое невозможно редуцировать к сухим фактам. В связи с этим представляется возможным говорить об эмоциональной памяти, которая позволяет рассмотреть механизмы передачи представлений о прошлом между поколениями. Когда

дети и внуки ветеранов переживают войну через рассказы и семейные реликвии, они не просто усваивают исторические факты, но и участвуют в создании эмоционально окрашенного знания. Это знание невозможно воспроизвести исключительно рациональными методами — оно требует эмпатии, сопричастности и вовлеченности (Schmidt, Patnaik, Kensinger, 2011).

Историческая память есть не просто фиксация прошлого, но динамическое пространство эмоциональных интерпретаций. Понимание эмоций в этом контексте становится ключом к осмыслению того, как общество сохраняет, переосмысляет и передает знания о значимых событиях. К примеру, группа канадских ученых задалась вопросом об эмоциональной составляющей, эпистемических эмоциях и эпистемическом восприятии в работе критического мышления (Muis et al., 2021). Они в нескольких образовательных экспериментах со старшими школьниками сконструировали ситуативные эпистемические эмоции и пришли к выводу о том, что эмоциональная вовлеченность имеет непосредственное влияние на знаниевые результаты (Vilhunen et al., 2022). И несмотря на то, что Джонатан Митчелл выдвинул некоторые аргументы против эпистемического перцептуализма, согласно которому «эмоциональные опыты, включая перцепцию ценностей, способны выступить причиной для оценочных убеждений» (Mitchell, 2017: 59), эмоции не только сопровождают акты воспоминания, но и активно формируют способы конструирования коллективной памяти.

Между тем концепция фрагментации знания в культуре постмодерна, рассмотренная через призму идей Бруно Латура, раскрывает сложность формирования коллективной памяти и исторических нарративов. Латур критикует модернистское разделение реальности на «природу» и «культуру», утверждая, что знание всегда является гибридом, сплетением науки, политики, эмоций, технологий и социальных практик; см., напр.: (Латур, 2025). Модерн, по его мнению, маскирует эту гибридность, создавая иллюзию чистых категорий, тогда как постмодерн обнажает их взаимопроникновение. По М. Шелеру, «ценности суть феномены, которые мы чувствуем», а потому гибридное знание всегда аксиологически нагружено (Шелер, 1994: 64). Признание этого позволяет избежать редукции истории к «объективным данным» и увидеть ее как живой диалог эмоций, власти и морали.

Воспоминания о Великой Победе — яркий пример такого гибрида. Они формируются через взаимодействие:

- 1) официальных нарративов — государственных интерпретаций истории, закрепленных в учебниках, памятниках, ритуалах. Эти нарративы часто служат инструментом легитимации власти и консолидации общества;

- 2) личных историй — индивидуальных воспоминаний участников событий, их семей, писем, дневников. Эти фрагменты подчеркивают субъективность опыта и его эмоциональную нагрузку;

- 3) коллективных мифов — символов и образов, созданных искусством, медиа, массовой культурой (кинематографом). Мифы упрощают слож-

ность истории, превращая ее в героический эпос или трагедию, что укрепляет групповую идентичность.

Культура постмодерна отказывается от единого метанарратива, акцентируя множественность истин. Это приводит к конфликтам между разными версиями прошлого, так как государственные институты могут подавлять альтернативные трактовки, а личные истории — сопротивляться мифологизации. Например, официальный культ Победы иногда сталкивается с критикой, основанной на архивных данных или свидетельствах о «неудобных» аспектах войны.

Б. Латур предлагает рассматривать знание как сеть акторов (людей и не-людей, институтов, артефактов), где материальное и символическое взаимосвязаны. Память о Победе не статичный монолит, а динамичный процесс, в котором участвуют музеи, социальные медиа, образовательные программы, семейные предания. Эта сеть постоянно пересобирается, отражая изменения в политике, культуре и технологиях (Латур, 2025: 56). Гибридность знания может как обогатить понимание истории через диалог версий, так и стать почвой для манипуляций. Однако признание фрагментации позволяет избежать упрощений и учитывать полифонию голосов. По М. Хальбваксу, коллективная память существует лишь через призму настоящего — а значит, ее гибридная природа неизбежна (Хальбвакс, 2005). Он отмечал, что память существует в рамках социальных групп, где она поддерживается и обновляется через ритуалы и символы (Хальбвакс, 2007). В этом процессе чувства играют роль связующего элемента: рассказ бабушки о войне, сопровождающийся слезами или дрожащим голосом, передает не только информацию, но и эмоциональный опыт. Эти переживания становятся частью личной и коллективной идентичности, формируя устойчивые ценностные ориентиры.

Тем не менее эмоции в исторической памяти не статичны: они могут трансформироваться под влиянием новых политических или культурных контекстов. В разные периоды чувства гордости или скорби могут уступать место критическому осмыслению или поиску примирения. В этом смысле понимание эмоций становится инструментом для анализа изменений в коллективной памяти и выявления скрытых конфликтов или травм.

Эмоциональная аксиология и эпистемология позволяют по-новому взглянуть на значение Великой Победы. Вместо поиска универсальной истины они предлагают признать множественность аффективных интерпретаций и динамичность ценностных структур. В этом смысле Победа становится не столько завершенным историческим фактом, сколько процессом непрерывного эмоционального переосмысления. Перспектива философии постмодерна напоминает нам, что ценности не существуют вне социальных контекстов и эмоций. Они конструируются в моменты интенсивных переживаний, когда прошлое становится частью настоящего. Именно в этой точке слияния эмоций, памяти и знания рождается подлинная эмоциональная оптика ценностей.

Эмоциональная аксиология Великой Победы в контексте постправды

Рассмотрение ценности Великой Победы 1945 года в эмоциональной оптике обусловлено современной ситуацией постправды, когда объективные факты становятся не важны, а значение имеют только события, укладываемые в мировоззренческую картину мира человека, субъективное восприятие действительности и эмоции. К возникновению ситуации постправды привело развитие современных медиа, которые образуют эхо-камеры, создающие вокруг человека информационные пузыри с эмоционально приятной и мировоззренчески близкой ему социальной информацией. Поэтому пробиться какой-либо информации к каждому отдельному человеку, а тем более к группам людей можно только надеясь ее содержанием, вызывающим сильные эмоции или потакающим существующим предрассудкам.

В ситуации постправды эмоции ценятся выше объективных фактов, и они непосредственным образом влияют на восприятие социально значимой информации, определяя структуру и протекание коммуникационных процессов (Yang et al., 2023). В процессе коммуникации аудитория затрачивает наибольшее количество усилий на восприятие эмоционального дискурса, что создает опасность неэффективной оценки фактической информации и приводит к возможности доверия фейкам, ложным сообщениям, а также влияет на неявные целевые установки и способствует манипуляциям. Погружаясь в эмоциональный контекст сообщения, люди не раздумывают о достоверности или ложности информации, а оценивают сообщение с точки зрения соответствия своим убеждениям в парадигме «хорошо — плохо». Эмоции не позволяют человеку выйти за рамки своей уже сформированной социальной позиции, поэтому эффективное информационное воздействие должно отвечать сформированным стереотипами и устоявшимся предрассудкам (Boler, Davis, 2018).

В цифровую эпоху ключевую роль в подаче эмоциональных информационных сообщений играют медиа, влияя на аудиторию через различные коммуникационные механизмы, определяющие степень манипулятивного воздействия. Одним из таких механизмов являются эмоциональные истории (трагедии, триумфы, человеческие драмы), захватывающие внимание аудитории. Эмоции в сторителлинге повышают запоминаемость контента и стимулируют его распространение, особенно в социальных сетях. Позитивные эмоции так же, как и негативные, способствуют созданию чувства единства и мобилизации общественной поддержки и солидарности. Аудитория равно эмоционально сочувствует и триумфальным успехам, спортивным победам, выдающимся достижениям, и человеческим трагедиям, жертвам террористических актов, военной агрессии и природных катаклизмов. Уровень эмоционального воздействия соответствует конкретным событиям, но объединяющим началом является его наличие в позитивных и негативных сообщениях.

В медиа, как правило, создатели сообщения выделяют определенные аспекты событий, усиливая их эмоциональную окраску (например, делая акцент на жертвах в конфликте). Далее вступают в дело «умные ленты»,

цифровые технологии распространения контента, включаясь в продвижение постов с высокой эмоциональностью — а следовательно, и вовлеченностью. Цифровые алгоритмы настроены на продвижение эмоционального контента, наиболее предпочитаемого пользователями. Новые коммуникационные инструменты цифрового медиамира, такие как интернет-мемы, челленджи и сторис, способны распространять радость, гнев или иронию, формируя культурные тренды. Сегодня медиа не просто информируют, но и формируют эмоциональный ландшафт общества. Однако их роль двойственна: они могут вдохновлять и объединять, но также манипулировать и дестабилизировать. Понимание этих коммуникационных механизмов помогает критически оценивать контент и соответственно реагировать на эмоциональные сообщения.

Эмоции также играют роль в создании так называемой аффективной достоверности. Даже при отсутствии документальных свидетельств люди могут воспринимать события как истинные, если они вызывают эмоциональный отклик. Этот феномен особенно заметен в художественной литературе и кинематографе, где эмоциональное переживание становится формой исторического познания (Kensinger, 2009). К примеру, фильмы о Великой Отечественной войне часто используют выразительные визуальные образы и музыкальные композиции, чтобы погрузить зрителя в атмосферу событий, вызывая сопереживание и чувство сопричастности.

Как полагал Жак Деррида, память есть палимпсест, где прошлое многократно переписывается в соответствии с актуальными эмоциональными и политическими запросами (Деррида, 2006). В таком ключе Великая Победа предстает не как неизменный символ, а как поле столкновения различных аффективных интерпретаций. Эмоции становятся медиаторами между прошлым и настоящим, влияя на выбор того, что и как будет запомнено. В своих работах о власти и знании Мишель Фуко отмечал, что память — это арена, где сталкиваются различные дискурсы (Фуко, 2004). Власть стремится институционализировать определенные эмоциональные нарративы, закрепляя их в официальных ритуалах, памятниках и музейных экспозициях. Однако индивидуальные и коллективные чувства способны сопротивляться этим попыткам, предлагая альтернативные версии прошлого. Понимание эмоций в данном случае раскрывает механизмы формирования контрпамяти, той, что сохраняется в устных рассказах, личных дневниках или культурных произведениях.

Ценность Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов закреплена в официальном нарративе, что является объективным фактом. Она заключена в многогранном историческом, моральном и геополитическом значении, которое продолжает влиять на весь современный мир. В этот нарратив входят спасение мира от нацизма, пресечение Холокоста, сохранение суверенитета СССР, влияние на мировое устройство, подвиг и жертвы советского народа, интернациональный вклад в Победу. Сохранение памяти о войне служит напоминанием о ценности человеческой жизни и необходимости предотвращать военные конфликты. Победа показала катастрофические последствия милитаризма и агрессии, став аргументом для послевоенных усилий по поддержанию мира. Подвиг по-

бедителей стал нравственным ориентиром в противостоянии попыткам переписать историю или обелить нацизм. Война вдохновила на создание произведений, ставших частью мировой культуры. Подвиг защитников Сталинграда, Брестской крепости, блокадников превратился в универсальный символ мужества. Для многих стран, особенно постсоветских, память о войне остается ключевым элементом исторической самоидентификации. Победа в Великой Отечественной войне — это не только прошлое, но и моральный ориентир, напоминающий о том, что единство, гуманизм и готовность защищать справедливость способны преодолеть даже самую страшную угрозу.

Вместе с тем для народа эмоциональная ценность Победы в Великой Отечественной войне заключается в глубоких чувствах, которые она вызывает у людей, связывая личные истории, коллективную память и нравственные идеалы. Это не просто историческое событие, а эмоциональный фундамент, который формирует идентичность, объединяет поколения и наполняет смыслом понятия долга, жертвенности и любви к Родине. Война затронула каждую семью в СССР, миллионы людей оплакивали погибших близких. Письма с фронта, похоронки, истории пропавших без вести, пленных стали частью семейных реликвий, передающих боль утраты через десятилетия. Пламя у могилы Неизвестного Солдата или мемориала «Родина-мать» на Мамаевом кургане символизируют одновременно скорбь и благодарность, превращая личное горе в общую святыню. В то же время Победа стала символом невероятной силы духа, человеческого подвига, который запечатлен также в семейных историях о войне и героическом нарративе художественных произведений. Шествия Бессмертного полка с портретами погибших родственников — не просто общественная акция, а попытка эмоционально «вернуть» их в сегодняшний день, дать им место в современности, актуализация подвига. Даже те, кто не застал ветеранов, чувствуют связь с войной через семейные истории о голоде, эвакуации, фронтовой дружбе.

Эмоциональность восприятия Дня Победы заложена в кадрах слез радости 9 мая 1945 года, запечатленных на фотографиях и кинематографических лентах и растиражированных массовой культурой; песнях военных лет, вызывающих ностальгию; кинофильмах и книгах о войне как советского, так и современного производства; ежегодных масштабных парадах, проводимых 9 мая; георгиевских ленточках; лозунгах вроде «Можем повторить!» и «Спасибо деду за Победу!». Все это превращает память о войне в часть публичной риторики, активно репрезентуемой в медиасреде.

Культ Победы активно тиражируется через медиа, в том числе и при поддержке государственной власти, выступая инструментом консолидации общества и воспитания патриотизма. Подвиг солдат, спасавших детей из концлагерей, или история врачей, возвращавших раненых в строй, стали частью морального кодекса, который транслируется через СМИ и массовую культуру. В школьных учебниках, фильмах, сериалах подчеркивается героизм советского народа, при этом часто минимизируются

спорные аспекты войны (например, роль союзников, цена решений командования).

Ценность Победы в Великой Отечественной войне в эпоху постправды, когда эмоции, мифы и субъективные интерпретации зачастую доминируют над объективными фактами, приобретает особое значение. В условиях, когда историческая память становится полем идеологических битв, а правда о прошлом подвергается ревизии или манипуляциям, Победа 1945 года остается одним из последних якорей коллективной идентичности и морального ориентира. В эпоху постправды нарративы о войне часто переписываются в угоду политическим интересам: например, происходит обесценивание роли СССР в победе над нацизмом, в медиа и кинопроизведениях западного производства делается акцент на ленд-лизе и высадке в Нормандии при игнорировании Восточного фронта. Предпринимаются попытки уравнивать СССР и нацистскую Германию через тезис о «двух тоталитаризмах» и резолюцию Европарламента, возложившую вину за начало Второй мировой войны на оба государства, что стирает разницу между агрессором и жертвой. В цифровой среде появляются фейки, искажающие даже визуальные свидетельства и архивные материалы, а социальные сети наполняются роликами с псевдоисторическими «сенсациями» о войне. В связи с этим живые воспоминания ветеранов, письма с фронта, семейные истории становятся последним бастионом аутентичности, а акции вроде «Бессмертного полка» (с реальными фото и именами) возвращают память в плоскость личного, а не виртуального.

В России болезненно реагируют на попытки пересмотра итогов войны, особенно со стороны Запада или бывших советских республик. Попытки обелить нацизм (например, марши неонацистов в некоторых странах, снос памятников советским воинам) вызывают в России резкое отторжение, так как воспринимаются как плевок на могилы предков. Тезисы вроде «СССР оккупировал Восточную Европу» или «Гитлера победили США» воспринимаются как осквернение памяти погибших. Для многих россиян Победа — это последний бесспорный аргумент в спорах о вкладе страны в мировую историю. В нашей стране культ Победы стал частью национальной идеи, объединяющей людей поверх социальных, политических и поколенческих различий. Власти апеллируют к ней, чтобы мобилизовать поддержку в условиях внешнего давления (например, санкций или обвинений в «имперских амбициях»), а споры о трактовке войны (например, кто освободил Европу) превратились в инструмент «мягкой силы». В условиях санкций, геополитической изоляции или внутренних проблем апелляция к Победе 1945 года дает эмоциональную опору обществу. В современной России память о Великой Отечественной войне используется для контраста с текущими событиями: например, в контексте спецоперации на Украине официальная риторика власти апеллирует именно к «борьбе с возрождением фашизма», а тезис «мы уже побеждали в худших условиях» используется для мобилизации общества.

В условиях постправды, когда понятия «правда» и «ложь» размыты, Победа остается моральным абсолютом. Борьба с нацизмом трактуется как этический императив, где зло было очевидным (геноцид, концлагере-

ря, план «Ост»). В российской культуре Победа стала архетипом противостояния хаосу, что позволяет противополжить ее современным «серым» конфликтам, где правда часто неоднозначна. В мире, где постправда размывает границы между добром и злом, Великая Победа напоминает о последствиях манипуляций идеологией, так как известно, что нацизм пришел к власти через пропаганду, отрицание правды и создание образа «врага». Тут можно провести параллели с современными популистскими режимами и предостеречь людей, погруженных в цифровую медиареальность.

В эпоху постправды Победа в Великой Отечественной войне превращается в мемориал живой памяти, который противостоит эрозии исторической правды. Победа — не просто факт из учебников, а символ сопротивления против забвения, манипуляций и цинизма. Ее ценность сегодня заключается в способности напомнить, что даже когда правда становится разменной монетой, существуют события, которые требуют бережного сохранения в качестве основы для будущего диалога и выживания человеческой совести.

Заключение

Эмоциональная аксиология раскрывает, почему память о Великой Победе остается полем борьбы. Мемориальные войны, возникающие по поводу истории Великой Отечественной войны, представляют собой не столкновение фактов, а конфликт ценностей, укорененных в эмоциях. Память о Великой Победе включает эмоциональное переживание скорби (ценность человеческой жизни) и гордости (ценность коллективного сопротивления). Эти эмоции формируют аксиологическую рамку, в которой интерпретируются факты войны.

Люди в России считают победу в Великой Отечественной войне одной из высших ценностей по ряду глубоких причин, которые сочетают историческую память, национальную идентичность, моральные принципы и социально-политический контекст. Для России победа в Великой Отечественной войне — это историческая реликвия, нравственный компас и политический инструмент одновременно. Она служит напоминанием о цене мира, основой национальной гордости и ответом на вопрос: «Ради чего страдали наши предки?». В условиях, когда прошлое часто становится полем идеологических битв, Победа остается одним из немногих символов, который, несмотря на попытки политизации, продолжает объединять миллионы людей личной памятью и общей благодарностью к тем, кто «выстоял и спас».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01261, <https://rscf.ru/project/25-28-01261/>.

ЛИТЕРАТУРА

- Аронсон О. В. (2015). Аффект в координатах нефилософии // *Философский журнал*. Т. 8. № 1. С. 33–46.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. (2010). Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского; под науч. ред. В. Ю. Кузнецова. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель.
- Деррида Ж. (2006). Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Logos-altera: Esse homo.
- Латур Б. (2025). Политики природы. Как привить наукам демократию. М.: Ad Marginem.
- Нора П. (1999). Проблематика мест памяти // *Франция-память*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Фуко М. (2004). Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: Гуманитар. акад.: Ун. кн.
- Хальбвакс М. (2005). Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас*. № 2–3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата доступа: 27.03.2025).
- Хальбвакс М. (2007). Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина М.: Новое изд-во.
- Шелер М. (1994). Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис.
- Ahmed S. (2014). *The Cultural Politics of Emotion* (NED-New ed., 2). Edinburgh Univ. Press.
- Bareither C. (2021). Capture the Feeling: Memory Practices in between the Emotional Affordances of Heritage Sites and Digital Media // *Memory Studies*. Vol. 14. № 3. P. 578–591.
- Boler M., Davis E. (2018). The Affective Politics of the “Post-Truth” Era: Feeling Rules and Networked Subjectivity // *Emotion, Space and Society*. Vol. 27. P. 75–85.
- Deleuze G. (2003). *Deux régimes de fous et autres textes. 1975–1995*. P.: Editions de Minuit.
- Deonna J., Teroni F. (2025). Why Are Emotions Epistemically Indispensable? // *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*. Vol. 68. № 1. P. 91–113.
- Engelsen S. (2011). Emotional Awareness in Scheler’s Axiology and the Queerness Argument // *Appraisal*. Vol. 8. № 3. P. 1–9.
- Kensinger E. A. (2009). Remembering the Details: Effects of Emotion. *Emotion Review* // *Journal of the International Society for Research on Emotion*. Vol. 1. № 2. P. 99–113.
- Mitchell J. (2017). The Epistemology of Emotional Experience // *Dialectica*. Vol. 71. № 1. P. 57–84.
- Muis K. R., Chevrier M., Denton C. A., Losenno K. M. (2021). Epistemic Emotions and Epistemic Cognition Predict Critical Thinking about Socio-Scientific Issues // *Frontiers in Education*. Vol. 6. P. 1–18.
- Nussbaum M. (2001). *Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions*. Cambridge Univ. Press.
- Schmidt K., Patnaik P., Kensinger E. A. (2011). Emotion’s Influence on Memory for Spatial and Temporal Context // *Cognition & Emotion*. Vol. 25. № 2. P. 229–243.
- Velázquez J. (2023). Feeling in Values: Axiological and Emotional Intentionality as Living Structure of Ethical Life, Regarding Max Scheler’s Phenomenology // *Human Studies*. Vol. 46. P. 43–57.

Vilhunen E. et al. (2022). Clarifying the Relation between Epistemic Emotions and Learning by Using Experience Sampling Method and Pre-Posttest Design // *Frontiers in Education*. Vol. 7. Art. 826852.

Yakovleva I., Kosenko T. (2021). Facets of Emotional Life of People: Axiological Content of the Concept // *Paideia: philosophical e-journal of Charles University*. Vol. 18. № 1. P. 1–7.

Yang Y. et al. (2023). Do Emotions Conquer Facts? A CCME Model for the Impact of Emotional Information on Implicit Attitudes in the Post-Truth Era // *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 10. Art. 415.

Youpa A. (2019). *The Ethics of Joy: Spinoza on the Empowered Life*. N. Y.: Oxford Univ. Press.

REFERENCES

Ahmed S. (2014) *The Cultural Politics of Emotion, 2nd ed.*, Edinburgh: Edinburgh University Press.

Aronson O. V. (2015) “Affect in the Coordinates of Non-Philosophy”, *Filosofskii Zhurnal*, vol. 8, no. 1, pp. 33–46.

Bareither C. (2021) “Capture the Feeling: Memory Practices in Between the Emotional Affordances of Heritage Sites and Digital Media”, *Memory Studies*, vol. 14, no. 3, pp. 578–591.

Boler M., Davis E. (2018) “The Affective Politics of the ‘Post-Truth’ Era: Feeling Rules and Networked Subjectivity”, *Emotion, Space and Society*, vol. 27, pp. 75–85.

Deleuze G. (2003) *Deux régimes de fous et autres textes. 1975–1995*, P.: Editions de Minuit.

Deleuze G., Guattari F. (2010) *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*, Yekaterinburg: U-Factoria; Moscow: Astrel.

Deonna J., Teroni F. (2025) “Why Are Emotions Epistemically Indispensable?”, *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*, vol. 68, no. 1, pp. 91–113.

Derrida J. (2006) *Specters of Marx: The State of the Debt, the Work of Mourning and the New International*, Moscow: Logos-altera: Ecce homo.

Engelsen S. (2011) “Emotional Awareness in Scheler’s Axiology and the Queerness Argument”, *Appraisal*, vol. 8, no. 3, pp. 1–9.

Foucault M. (2004) *The Archaeology of Knowledge*, Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya: Universitetskaya kniga.

Halbwachs M. (2005) “Collective and Historical Memory”, *Neprikosnovennyi Zapas*, no. 2–3 (<https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html>, accessed on 27.03.2025).

Halbwachs M. (2007) *The Social Frameworks of Memory*, Moscow: Novoe izdatelstvo.

Kensinger E. A. (2009) “Remembering the Details: Effects of Emotion”, *Emotion Review*, vol. 1, no. 2, pp. 99–113.

Latour B. (2025) *Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy*, Moscow: Ad Marginem.

Mitchell J. (2017) “The Epistemology of Emotional Experience”, *Dialectica*, vol. 71, no. 1, pp. 57–84.

Muis K. R., Chevrier M., Denton C. A., Losenno K. M. (2021) “Epistemic Emotions and Epistemic Cognition Predict Critical Thinking about Socio-Scientific Issues”, *Frontiers in Education*, vol. 6, art. 669908.

Nora P. (1999) “The Problematic of Places of Memory”, in *France-Memory*, Saint Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

Nussbaum M. C. (2001) *Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions*, Cambridge: Cambridge University Press.

Scheler M. (1994) "Formalism in Ethics and Non-Formal Ethics of Values", Scheler M. *Selected Works*, Moscow: Gnosis.

Schmidt K., Patnaik P., Kensinger E. A. (2011) "Emotion's Influence on Memory for Spatial and Temporal Context", *Cognition & Emotion*, vol. 25, no. 2, pp. 229–243.

Velázquez J. (2023) "Feeling in Values: Axiological and Emotional Intentionality as Living Structure of Ethical Life, Regarding Max Scheler's Phenomenology", *Human Studies*, vol. 46, pp. 43–57.

Vilhunen E. et al. (2022) "Clarifying the Relation Between Epistemic Emotions and Learning by Using Experience Sampling Method and Pre-Posttest Design", *Frontiers in Education*, vol. 7, art. 826852.

Yakovleva I., Kosenko T. (2021) "Facets of Emotional Life of People: Axiological Content of the Concept", *Paideia: philosophical e-journal of Charles University*, vol. 18, no. 1, pp. 1–7.

Yang Y. et al. (2023) "Do Emotions Conquer Facts? A CCME Model for the Impact of Emotional Information on Implicit Attitudes in the Post-Truth Era", *Humanities and Social Sciences Communications*, vol. 10, art. 415.

Youpa A. (2019) *The Ethics of Joy: Spinoza on the Empowered Life*, N. Y.: Oxford University Press.